

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-13-17

ФУРМАН Феликс Павлович,
доктор философских наук, профессор кафедры теории
общественных наук Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАК ФАКТОР РОСТА СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. В статье предпринимается попытка комплексного междисциплинарного анализа современного терроризма, рассматриваемого в качестве сложного социально-политического феномена. Данное явление детерминировано условиями перманентного геополитического и глобального противостояния. В рамках данного исследования обосновывается тезис, согласно которому интенсификация международных конфликтов и системный кризис современного миропорядка выступают катализаторами деструктивных процессов. Следует подчеркнуть, что эрозия механизмов глобального управления в сочетании с обострением конкуренции между ведущими центрами силы объективно детерминируют экспансию террористических идеологий и практик. Особый акцент сделан на изучении механизмов радикализации и специфики инструментализации террористической деятельности в контексте ведения гибридных войн. Наряду с этим, анализируется дестабилизирующее влияние региональной турбулентности и феномена «несостоявшихся государств» на архитектуру международной безопасности. По результатам исследования сделан вывод о том, что эффективная стратегия противодействия терроризму требует реализации системного многоуровневого подхода. Констатируется, что превентивные меры должны базироваться на кумулятивном учете не только силового компонента, но и совокупности политических, социально-экономических и геополитических детерминант.

Ключевые слова: терроризм, геополитика, глобальное противостояние, международная безопасность, гибридные войны, радикализация, региональные конфликты.

FURMAN Felix Pavlovich,
Doctor of Philosophy, Professor of the Department
of Theory of Social Sciences at the North-West Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, St. Petersburg

GEOPOLITICAL AND GLOBAL CONFRONTATION AS A FACTOR IN THE GROWTH OF MODERN TERRORISM

Annotation. The article attempts a comprehensive interdisciplinary analysis of modern terrorism, considered as a complex socio-political phenomenon. This phenomenon is determined by the

conditions of permanent geopolitical and global confrontation. Within the framework of this study, the thesis is substantiated, according to which the intensification of international conflicts and the systemic crisis of the modern world order act as catalysts for destructive processes. It should be emphasized that the erosion of global governance mechanisms, combined with increased competition between leading centers of power, objectively determine the expansion of terrorist ideologies and practices. Particular emphasis in the work is placed on the study of the mechanisms of radicalization and the specifics of the instrumentalization of terrorist activities in the context of hybrid warfare. Along with this, the destabilizing influence of regional turbulence and the phenomenon of "failed states" on the architecture of international security is analyzed. According to the results of the study, it was concluded that an effective strategy to counter terrorism requires the implementation of a systematic multi-level approach. It is stated that preventive measures should be based on cumulative accounting not only of the power component, but also of the totality of political, socio-economic and geopolitical determinants.

Key words: terrorism, geopolitics, global confrontation, international security, hybrid wars, radicalization, regional conflicts.

Введение. В современную эпоху терроризм эволюционирует в транснациональную асимметричную угрозу, детерминированную кризисом моноцентричного мироустройства и эскалацией геополитических противоречий. Утрачивая статус маргинального явления, он становится системной производной мировой политики. Такие факторы, как эрозия государственности, внешние интервенции и экономический прессинг, формируют среду, способствующую институционализации и легитимизации радикальных идеологем.

Актуальность данного исследования продиктована объективной необходимостью комплексного научного анализа корреляции между динамикой геополитического противоборства и эскалацией террористической активности в глобальном масштабе.

Целью статьи является выявление ключевых механизмов влияния глобального и геополитического противостояния на динамику современного терроризма. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: анализ теоретических подходов к пониманию терроризма в международных отношениях; выявление геополитических факторов его роста; рассмотрение роли гибридных конфликтов и региональной нестабильности; формулирование выводов и рекомендаций.

Данное исследование базируется на комплексном междисциплинарном фундаменте, синтезирующем концептуальные положения политологии, теории международных отношений, конфликтологии и общей теории безопасности. Релевантность выбранного вектора обусловлена необходимостью многогранного осмысления объекта исследования.

Методологический базис работы детерминирован применением системного и структурно-функционального подходов. Подобный инструментарий позволяет дефинировать терроризм не

как изолированный феномен, а как деструктивный элемент в рамках сложной иерархической архитектуры глобальных политических процессов.

Методологический аппарат исследования включает в себя совокупность общенаучных и специальных методов, в частности:

1. Политико-компаративистский анализ, направленный на выявление общих и специфических паттернов изучаемого явления.
2. Дескриптивный и контент-анализ официальной документации ведущих международных организаций.
3. Индуктивное обобщение релевантных эмпирических данных, представленных в актуальном научном дискурсе.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что в условиях современной трансформации миропорядка терроризм эволюционирует из транснациональной угрозы в системный регулятор геополитического напряжения. Предполагается, что институционализация террористических сообществ в зонах «функционального вакуума» (несостоявшихся государств) является не только следствием деградации локальных институтов, но и стратегическим адаптивным механизмом в рамках асимметричного противостояния глобальных акторов.

Основной материал. Проведенный концептуальный анализ позволяет констатировать, что современная архитектура безопасности подвержена глубокой фрагментации, вызванной межгосударственной конкуренцией и эрозией международного права. В данных обстоятельствах анти-террористическая повестка девальвируется, уступая место партикулярным геополитическим интересам. Следствием этого процесса выступает возникновение «серых зон» - пространств правового вакуума, где фиксируется институционализация радикальных структур и диверсификация их транснациональных связей [6].

В рамках политологического дискурса региональные конфликты интерпретируются как базовые катализаторы экстремистской экспансии. В условиях пролонгированной нестабильности терроризм эволюционирует от тактического инструмента к статусу самостоятельного политического субъекта, интегрированного в локальные системы распределения власти. Параллельно с этим, глобальная конфронтация провоцирует кризис идентичности и идеологическую поляризацию, что в сочетании с социально-экономическим неравенством обеспечивает устойчивое воспроизводство радикальных доктрин [3].

Уточняя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что политическая амбивалентность и применение «двойных стандартов» к дефиниции терроризма критически нивелируют эффективность международного взаимодействия.

В рамках системного анализа следует констатировать, что современная радикализация детерминирована конвергенцией технологической модернизации и институционального кризиса. Интеграция ИКТ в операционные стратегии трансформирует иерархические структуры в сетцентричные системы, нивелируя пространственные барьеры для дистанционной мобилизации.

Параллельно с этим, катализатором дестабилизации выступает функциональная деградация механизмов инклюзии. Процесс протекает в трех ключевых измерениях:

1. Политическое отчуждение через блокировку легитимных каналов артикуляции интересов.
2. Социально-экономическая депривация, связанная с: ростом протестного потенциала вследствие дефицита ресурсов.
3. Кризис идентичности из-за высокой восприимчивости молодежной среды к экстремистским идеологиям [7].

Немаловажное значение имеет аксиологический конфликт, вызванный экспансией универсалистских моделей развития. Возникающий когнитивный диссонанс используется радикалами для легитимации насилия как формы защиты идентичности от «культурной гегемонии». Более того, политическая фрагментация создает вакуум власти, позволяющий экстремистским акторам делегировать себе квазиполитические функции через альтернативные концепты справедливости [4].

В условиях глобальной турбулентности кристаллизуется феномен «глобализированного экстремизма», характеризующийся детерриториализацией радикального дискурса. Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что эрозия международного права и политика «двойных

стандартов» окончательно девальвируют нормативные барьеры, утверждая насилие в качестве релевантного инструментария в глазах антисистемных субъектов [1].

В рамках современной парадигмы терроризм трансформируется в релевантный прокси-инструментарий, функционирующий в синергии с киберугрозами и экономическим прессингом. Следует постулировать, что подобная интеграция размывает границы между государственным и негосударственным насилием, позволяя внешним бенефициарам реализовывать стратегию «правдоподобного отрицания». При этом концептуально обосновано, что цели атак смещаются в сторону делегитимации власти и провоцирования системного кризиса доверия через воздействие на критическую инфраструктуру [2]. Важным дополнительным измерением выступает жесткая синхронизация физического насилия с манипулятивными информационными операциями [5].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что инкорпорация терроризма в архитектуру гибридных конфликтов ведет к институционализации насилия как метода внешнеполитического давления. В конечном итоге, данная тенденция не только девальвирует нормы международного права, но и закрепляет асимметричное противостояние в качестве деструктивной нормы современной мировой политики.

Результаты исследования. Обобщая результаты проведенного анализа, можно констатировать, что современная радикализация представляет собой многоуровневый процесс, детерминированный конвергенцией системных институциональных сбоев и ценностных конфликтов.

1. Во-первых, установлено, что кризис легитимности национальных государств создает «функциональные лакуны», которые успешно заполняются радикальными акторами через механизмы квазигосударственного управления.
2. Определено, что цифровая трансформация и трансграничные миграционные процессы обуславливают переход от локальных очагов экстремизма к сетевой модели «глобализированного экстремизма».
3. Выявлена прямая корреляция между девальвацией международного права и ростом морально-политической оправданности насилия в дискурсе антисистемных движений.

Для нейтрализации выявленных угроз представляется целесообразной имплементация следующей стратегии:

1. Институциональная реновация. Необходимость укрепления потенциала государствен-

ных институтов в регионах с высоким риском фрагментации (State-building) для восстановления монополии на легитимное насилие и предоставление социальных благ.

2. Идеологическая деконструкция. Реализация программ «контрнарративов», направленных на подрыв культурно-цивилизационной дихотомии, используемой террористическими структурами. Это подразумевает развитие межкультурного диалога при сохранении уважения к локальной субъектности.
3. Нормативная стабилизация. Пересмотр подходов к применению международного права с целью минимизации политики «двойных стандартов», что позволит восстановить авторитет глобальных институтов и снизить уровень протестной легитимации насилия.
4. Кибермониторинг и сетевое противодействие. Разработка превентивных механизмов идентификации транснациональных каналов радикализации в виртуальной среде без нарушения базовых принципов свободы информационного обмена.

В контексте оптимизации антитеррористических стратегий представляется необходимым

отказ от узкоинструментального подхода в пользу комплексной парадигмы. Исклчительно силовые методы не позволяют нивелировать каузальные детерминанты радикализации, что диктует императив деполитизации сотрудничества и ревитализации многосторонних механизмов безопасности. Особую значимость в данном ракурсе приобретает синергия мер социально-экономической стабилизации и укрепления институциональной устойчивости государств.

Наряду с этим следует констатировать, что эффективность глобальной системы безопасности существенно девальвируется из-за фрагментации международных усилий и геополитических антиномий. Подобные барьеры препятствуют унификации правовых стандартов и координации трансграничных операций. Таким образом, приоритетным вектором превенции должен стать переход к проактивным стратегиям: созданию инклюзивных общественных моделей и институционализации каналов легитимной политической participation, что позволит деактуализировать радикальный дискурс в долгосрочной перспективе.

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов

Параметр сравнения	Традиционный (силовой) подход	Комплексный (инклюзивный) подход
Объект воздействия	Проявления угрозы (террористы)	Причины и условия (социокультурная среда)
Основной инструментарий	Спецоперации, санкции, репрессии	Институциональное строительство, образование, диалог
Временная перспектива	Краткосрочный эффект	Долгосрочная стабилизация
Роль государства	Обеспечение монополии на насилие	Создание условий для социальной инклюзии

Резюмируя вышеизложенное, следует выделить три фундаментальных уровня стабилизации системы:

1. Институциональный: восстановление субъектности и дееспособности национальных государств.
2. Информационно-когнитивный: формирование общественного иммунитета к радикальным доктринам через механизмы стратегических коммуникаций.

3. Глобально-политический: переход к устойчивому мироустройству, нивелирующему запрос на использование асимметричного насилия.

Выводы. Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо констатировать, что глобальное противостояние выступает системообразующим катализатором современного терроризма, который следует интерпретировать как деструктивную манифестацию кризиса мировой

архитектуры. Воспроизводство данного феномена имплицитно детерминировано инструментализацией асимметричного насилия в геополитической борьбе и региональной дестабилизацией.

В этой связи представляется очевидным, что минимизация угрозы достижима лишь через комплексную трансформацию глобального управления. Данный процесс предполагает:

- аксиологическую ревизию международного взаимодействия;
- интенсификацию сотрудничества на надгосударственном уровне;
- нивелирование структурных причин радикализации и социально-политического неравенства.

Следовательно, объективным будет вывод о том, что стратегический приоритет должен быть смещен от локализации последствий к устранению фундаментальных противоречий мирового политического пространства.

Список литературы:

[1] Гедугосhev P.P., Кузнецова Е.В., Васильева Т.Б. Международное сотрудничество в правоохранительной сфере по вопросам противодействия экстремизму и терроризму. // Журнал прикладных исследований. 2021; 2(4): 77-81.

[2] Завтонова А.В., Сибирякова А.И. Актуализация угрозы терроризма в системе экономической безопасности Российской Федерации. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022; (12): 8-12.

[3] Игнатов А.Н. Современные экстремизм и терроризм и их трансформации в условиях смены миропорядка. // Вестник Московского университета МВД России. 2024; (4): 71-76.

[4] Ким Ю.В. Имеет ли политическая история смысл: к вопросу о превратностях эволюции государства и учения о нем. // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024; 8(3): 394-409.

[5] Ксенофонтов В.А. Основные особенности «сетевых войн» и национальная безопасность государства // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018; 12(4): 24-29.

[6] Курбанов М.Г. Противодействие политическому экстремизму и терроризму в системе публичного управления национальной безопасностью России. // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024; 50(2): 63-73.

[7] Холлов С.Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025; 1(858): 41-52.

References:

[1] Gedugoshev R.R., Kuznetsova E.V., Vasilyeva T.B. International law enforcement cooperation on countering extremism and terrorism. //Journal of Applied Research. 2021; 2(4): 77-81.

[2] Zavtonova A.V., Sibiryakova A.I. Updating the threat of terrorism in the economic security system of the Russian Federation. //Skif. Student science issues. 2022; (12): 8-12.

[3] Ignatov A.N. Modern extremism and terrorism and their transformation in a changing world order. //Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024; (4): 71-76.

[4] Kim Y.V. Does political history make sense: to the question of the vicissitudes of the evolution of the state and the teachings about it. //Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2024; 8(3): 394-409.

[5] Ksenofontov V.A. The main features of the "network-centric war" and the national security of the state//Actual problems of the humanities and socio-economic sciences. 2018; 12(4): 24-29.

[6] Kurbanov M.G. Countering political extremism and terrorism in the system of public administration of national security of Russia. //Legal Bulletin of Dagestan State University. 2024; 50(2): 63-73.

[7] Holov S.Kh. Conceptual approaches to the analysis of terrorism as a factor in destabilizing modern international relations. //Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2025; 1(858): 41-52.

